

ОТРИЦАНИЕ БЫТА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ 1920-1930-Х ГОДОВ

Denial of the concept of “household” in the context of the evolution of
Russian literature and culture of the 1920s-1930s

Алексей Юрьевич Овчаренко
ovtcharenko-1959@yandex.ru

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Янина Викторовна Солдаткина
jaseneva@yandex.ru

Московский государственный педагогический университет (Москва, Россия)

Людмила Александровна Трубина
la.trubina@mpgu.edu

Московский государственный педагогический университет (Москва, Россия)

Alexey Ovtcharenko
ovtcharenko-1959@yandex.ru

Russian Peoples' Friendship University (Moscow, Russia)

Yanina Soldatkina
jaseneva@yandex.ru

Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Ludmila Trubina
la.trubina@mpgu.edu

Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 08.12.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española n° 13 (2017), 157 - 167

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется художественное воплощение концепции быта в литературе 1920-1930-х годов в контексте реальных исторических обстоятельств и философских исканий XX века. Устойчивые художественные приметы этого периода – отрицание быта, идеализация и идеологизация «безбытности», обусловленные историческими реалиями и аскетической революционной идеологией. Особое внимание в статье уделяется антитезам быта и бытия и связанными с ними метафорами и образами – «сытость», «материальное» и «духовное имущество», «семья», «дом» и др.

Ключевые слова: быт, бытие, аскетизм, «безбытность», метафора, литература 1920-1930-х годов, литературная группа «Перевал».

ABSTRACT

The article examines the artistic embodiment of the concept of household in the literature of 1920-1930-ies in the context of real historical circumstances and philosophical explorations of the 20th century. The artistic themes characteristic of that period are as follows: denial of the household, idealization and ideologization of "householdness" due to historical realities and ascetic revolutionary ideology. Particular attention is given to the antitheses of "household" and existence and related metaphors and images such as "satiety", "material and spiritual property", "family", "house", etc.

Key words: household, existence, asceticism, "householdness", metaphor, literature of 1920-1930-ies, the Writers of Revolution Community "Pereval"

Революция 1917 года и последовавшая за ней перестройка всего социального устройства обусловили новые нормы существования человека в мире, пережившем трагический катаклизм и лишившемся имущественных, нравственных, культурных ориентиров прежней эпохи. Литература зафиксировала изменение восприятия и литературного изображения быта и бытия как важных параметров послереволюционной картины мира. Категория «быта» ассоциировалась с прежним миропорядком и включала такие понятия, как денежный достаток, комфорт, уют, страсть к красивым вещам и другим зримым артефактам повседневности. Реальная послереволюционная художественная практика создала сложный семантический комплекс «метафизической наготы» – отрицания конкретики быта в утопической мечте об обновлении бытия, где бытие связано с воплощением идеала справедливости и праведности на земле. С этой точки зрения «быт» в новой постреволюционной культуре маркировался как явление отрицательное, «грешное», как наследие прошлого, которое следует преодолеть. «Бытие» же приобрело своего рода религиозно-аскетическую семантику и символизировало собой в плане идеологическом реализацию морально-нравственных заветов революции, а в плане практическом – новый постреволюционный «безбытный» социум, лишенный собственности, денег, накопительства, традиционной семьи и уюта и т.д.

Задачей искусства стало изменение мира, а высшей идеей претворения бытия стало не избрничество и не божий дар поэта, а воспитание нового человека, и создание нового мира из осколков прежнего быта. Предстояло собрать эти осколки и сложить из них новый быт. Религиозно-эстетическую идею жизнотворчества в романтизме и теургическую идею жизнестроения в символизме в пролетарском жизнотворчестве Пролеткульта и ВАПП (Бычков 2007; Долгополов 1988; Семёнова 2001) заменила идея построения нового социалистического общества и создания нового гармонического человека, претворения быта в высшую, по мнению пролетарских теоретиков, форму бытия – светлое будущее, коммунизм.

В центре статьи – постановка проблемы стратегий изображения в литературе постреволюционной эпохи «безбытности» как специфической художественной категории, характерной и для «пролетарской» литературы (Пролеткульта, «Кузницы»), и для условных «попутчиков» – писателей Содружества «Перевал» (Н. Зарудина, И. Катаева, Е. Вихрева и др.), близких им А. Платонова и Б. Пильняка, «серапиона» В. Каверина, члена ленинградской группы «Содружество» Б. Лавренёва и др.

Новое прочтение эти проблемы получают уже как реакция на «гримасы нэпа», на появление нового быта – наблюдается стремление его «идеализировать», согласовать, по мере возможностей и необходимости, с революционными мечтами.

В этой ситуации культура и литература фиксируют двойственность восприятия быта: этот становящийся, формирующийся по старым законам быт, как считали «неистовые ревнители» (С. Шешуков), нужно было уничтожить, как уничтожили старый порядок вещей, но при этом вырваться из него невозможно, а потому быт нуждался в специфическом осмыслении и своего рода «очеловечивании»: «Большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться» (Платонов 2009: 66).

На наш взгляд, существовали, хотя и достаточно условные, своеобразные вариации, типы идеологической «безытности»: отказ от дома и от создания семьи – Даша Чумалова («Цемент» Ф. Гладкова) и Елена («Гравюра на дереве» Б. Лавренёва), безытность артистическая, воспроизводящая традиционные каноны «богемы», и «безытность» как своеобразный посттравматический синдром людей (Литовская 2009: 73-108), не сумевших адаптироваться к мирной жизни в большом городе: «Но в комнатах каменных трудно дышать//Привыкшим к боям и просторам» (Дементьев 1930: 17). Для них сохранение привычек походной жизни было защитным механизмом. Н. Зарудин писал о своём поколении, вернувшемся с фронтов в Москву: «Мы были почти бездомны в громадах этого города. Мы бродили по общежитиям, ютились у случайно счастливых друзей, обходились без завтраков, обедали в пивных. ...» (Зарудин 1983: 507-508).

Соответственно, нас будет интересовать литература, созданная в условный промежуток между 1921 (началом нэпа) и 1929 (год «великого перелома») годами как вехами в социокультурном контексте категории «быта». Уточним, что мы понимаем «быт» в прямом смысле, как повседневную жизнь, а не как жанровые или стилистические особенности литературы тех лет, закрепившиеся в истории литературы 1920-1930-х гг. (Белая 1971: 70-87).

Как и любая революция, русская революция начинала с разрушения старого – мира, общества, культуры («ветошь веков долой» В. Кириллов), языка («гибель языков» В. Хлебникова), «патриархального» быта и т.д. Важно, что и после революции, по словам Л. Троцкого, «пролетариат как был, так и остался неизменным классом...» (Троцкий 1991: 151).

Б. Пильняк в романе «Голый год» нашел свое собственное определение революционной эпохи: «голый». Слово это употребляется не в прямом значении, хотя конкретно-бытовой план (холод, голод, смерть, разгул анархии, разрушительных инстинктов) дан в произведении в полном соответствии с установкой на правдивое изображение времени. В авторской концепции особенно важно метафорическое значение эпитета «голый». Революция, по представлению Б. Пильняка, разрушила «коросту» прежних норм и традиций, позволила отбросить все наносное, обнажив начала исконные, природные – вплоть до первобытных, звериных инстинктов, открывая для литературы символическое понимание «безытности» как принципиальной, едва ли не библейской, характеристики времени. Но при этом парадоксальным образом революция как будто дает возможность начать «жить» заново, вернуться к истокам, человеку и миру, от которого он неотделим, в котором он живет веками и тысячелетиями.

Религиозный смысл этой концепции был в то время ясен немногим: «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях,

... и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф.4:22,24). Этот переосмысленный образ «ветхого человека», «ветхого Адама» был знаковым в критике 1920-х годов (А. Воронский, В. Полонский, Д. Горбов, А. Лежнев и др.) как символ «второго сотворения» человека революцией, создания нового человека «нового мира», – человека, отвергающего страсти – все земное, брренное, и земной быт в том числе.

Создание нового быта (никто не знал, как совместить в нём старое и новое), демонстративное отсутствие быта у «солдат на походе» (Л. Троцкий): «А в короткие промежутки нет смысла разводить счастливую жизнь и разные там уюты» (Катаев 1957: 142), отказ от семьи и дома, – под влиянием этих тенденций и формировалась художественная концепция нового быта. Она вступала в естественное противоречие с желанием многих жить мирной неголодной жизнью, основанной на традиционных ценностях бытового уклада: «Все строительство наше, все достижения, мировые пожары, завоевания – все оставьте себе. Мне же дайте, товарищи, тихую жизнь и приличное жалованье» (Эрдман 1990: 163). Отсюда борьба с атрибутами мещанства как с образом жизни: абажурами, канарейками и гитарами с бантами, которые воспринимались как предательство идеалов революции. Новый быт пока оформлялся, но старый быт тянул назад. Один из героев романа «Тридцать ночей на винограднике» Н. Зарудина, воплощавший две ипостаси – Поджигатель и Учитель с лицом пророка, – «хочет поджигать Европу, истреблять апельсиновые абажуры... и не приемлет ничего украшающего, ибо ждёт нового стиля» (Зарудин 1983: 25, 37).

Послереволюционный быт отсутствовал и в реальности, и метафизически: это был уют «на подоконниках, на багажных полках вагонов», «рядом с мертвецами, в бараках больниц...» (Зарудин 1983: 24).

«Безбытность» была общей чертой поколения, вышедшего «из потопа мировых войн» (Зарудин 1983: 25). Она воспринималась как «высокая чистота» и сформировала аскетизм как приобретенную социальную привычку довольствоваться малым: «У нас не было привычек и вкусов к платью и удобствам жизни» (Зарудин 1983: 507).

Именно во времена нэпа этот аскетизм стал осознанным культурным выбором многих, а «романтика революции» стала основой «безбытности».

Этическая категория «безбытности» может быть интерпретирована и как часть миссии русской интеллигенции в диапазоне от К. Леонтьева до А. Блока в борьбе с мещанством и мещанским бытом (Вихавайнен 2004). Конечно, это было весьма своеобразное, уже довольно хорошо изученное, воплощение религиозного аскетизма и, отчасти, русского юродства (Янчевская 2004, Ростова 2008). Но большее влияние на формирование «нового аскетизма», «безбытности» оказала идеология русских народников, взявшая многое из идей христианства: «Аскетизм русских революционеров 60-х годов – весьма характерная иллюстрация отражения христианских идей даже в эстетической среде русской интеллигенции... интеллигентствующий пролетариат, наиболее бездомный, бесприютный в социальном отношении и наиболее остро переживающий несправие» (Морозов 2014: 57-58). Манифестом «новой морали» для нескольких поколений стал роман Н.Г. Чернышевского, примером для подражания – его «новые люди», среди которых выделялся «особенный человек» Рахметов с его аскетизмом и самоограничением.

Русское «духовное возрождение» начала XX в. внесло изменения в традиционное понимание аскетизма. В. Соловьёв писал, что «человек должен укреплять дух и подчинять ему плоть не потому, чтобы в этом была цель его жизни, а потому, что, только освободившись от рабства слепым и злым материальным влечениям, может человек служить как следует правде и добру и достигнуть своего положительного совершенства» (Соловьёв 1996: 100), а затем Н. Бердяев заговорил уже о революционном аскетизме (революционной аскезе), когда революционер «...не имеет личных интересов, дел, чувств, привязанностей, собственности, даже имени... Революционер порывает с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью этого мира. Тот не революционер, кто дорожит чем-нибудь в этом мире» (Бердяев 1994: 400).

Затем народнические принципы были развиты в статьях писателей немного другой общественной позиции: М. Горького, К. Чуковского, Р. Иванова-Разумника и мн. др., а уже после 1917 г. Пролеткульт, ВАПП и ЛЕФ (как наследники русских футуристов) многое взяли из этой практики.

«Безбытность», вернее, забвение быта, – традиционный, как и одиночество, эстетический атрибут поэта/пророка, идущий от одноимённых стихов А. Пушкина и М. Лермонтова, – пролетарский поэт Александр Гулевич («Поэт» И. Катаева), художник Пимен Моренц («Стремена» Н. Ляшко), мастер («Ножницы» Е. Вихрева), Луиджи («Мастерство» П. Слётова), – все они, одиноки, скромны и строги к себе, живут только своим творчеством.

В период нэпа идеологическая «безбытность» превратилась в своеобразный культ, в борьбу с «буржуазными» привычками (галстуки, рукопожатия, танцы), в борьбу с так называемым «обрастанием» (абажуры, канарейки, гитары с бантами и т.д.). В повести Б. Лавренёва «Гравюра на дереве» Елена говорит своему мужу, крупному партийному работнику, – «С чего это я стану рассиживаться, как какая-нибудь барынька? Может, еще салфеточкой повязаться и рыбу с ножичка не есть? Обрастанием пропитываешься, Федор!.. Мне некогда время на обеды тратить» (Лавренёв 1929: 27). «Совмещанство», «совбуры», прикрывающееся революционной риторикой, «обывательщины нити», стали одним из главных объектов сатиры В. Маяковского 1920-х годов («О дряни», «Клоп» и др.).

Крайним выражением «безбытности» стал отказ от привычных супружеских отношений и традиционной семьи. Даша Чумалова из романа «Цемент» Ф. Гладкова говорит своему мужу Глебу: «Ты хочешь, Глеб, чтобы на оконцах кучерявились цветочки, а кровать надувалась пуховыми подушками? Нет, Глеб: зиму я живу в нетопленной каморе (топливный кризис у нас, знай), а обедаю в столовой нарпита» (Гладков 1926: 87). Это была типичная точка зрения для многих женщин-членов ВКП(б). Жена Фёдора Кудрина, главного героя повести «Гравюра на дереве» Б. Лавренёва, также считала свою квартиру «проходной казармой, этапным пунктом, ночлежкой...» (Лавренёв 1929: 17). Старшая дочь семьи Пантелеевых, Александра, «женщина суматошной и неуютной жизни», («Ленинградское шоссе» И. Катаева), бросает свою девочку, Эвардочку на воспитании родителям, – «Материнских забот её в своё время хватило только на то, чтобы родить дочь, придумать ей замысловатое имя и через полгода сдать на попечение бабушки». Но, разрушив традиционное

представление о семье и браке, она считала, «...что ей удалось примирить биологические инстинкты с общественными запросами» (Катаев 1957: 213).

В книгах пролетарских писателей разных поколений почти не эстетизируются домашняя повседневная жизнь, пространство частного быта, одежда, еда. Их герои – Кожух («Железный поток» А. Серафимовича), Левинсон («Разгром» А. Фадеева), Чумалов («Цемент» Ф. Гладкова), Робейко, Климин («Неделя» Ю. Либединского) и мн. др. существовали словно вне быта.

Потребности формирующейся новой культуры ставят в центр внимания нового героя – революционера, большевика, «стержневую фигуру эпохи» (А. Воронский), эволюционирующую от «кожаной куртки» («Голый год», «Машины и волки» Б. Пильняка), «аршинного человечески» («Хабу» Вс. Иванова), «маленького, неказистого» («Разгром» А. Фадеева), до «живого человека» «особой породы», выступающего против «корытного счастья» (А. Воронский), у которого «...нет имени, ... нет крова, ... нет любимой, ... нет родных. Он живёт неведомой, суровой жизнью» (Воронский 1979: 25).

Наиболее ярко фигура такого аскета, подвижника, фактически мученика, была очерчена в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». До сих пор представляется, однако, дискуссионным вопрос о том, насколько пролетарские писатели учитывали религиозный подтекст этого отказа от обычной жизни, эту близость притче о богатом юноше из Евангелия от Матфея, насколько поэты Пролеткульта с их отвлечённым космизмом, устремлённостью от земной жизни, комсомольские поэты «борьбы и походов» ощущали актуализацию нестяжательства как этического принципа, насколько сознательно в образах революционных аскетов и подвижников, таких как Макар Нагульнов, Александр Журавлёв, Павел Корчагин, авторами использовались агиографические мотивы. Возможно, что, как пишет Ю. Подлубнова, тут возникает «некий двойник агиографии» (Подлубнова 2005).

В повести «Сердце» И. Катаев создаёт образ подвижника от революции, включающий и определённую долю неотмирности: о родителях Журавлёва ничего неизвестно, он подчёркнуто бестелесен, его физический облик, портрет дан нам только после его смерти – в гробу, когда его жизненная миссия, миссия духа, завершена. Это подвижник в традиционном понимании, в идущем от о. С. Булгакова противопоставлении «героизма» – «подвижничеству», искренне верящий в возможность избавления человечества от страданий в «земном», но – создаваемом им самим мире, и отдающий на это все свои жизненные силы. Именно поэтому он и обречён в этой борьбе возникающих новых форм быта и бытия, не становящегося Бытием.

Выше мы рассматривали оппозицию быт/«безбытность», но не менее важно остановиться на преобразении быта в Бытие.

Сходные процессы и идеи фиксируются Андреем Платоновым в романе «Чевенгур» (1928 г.), посвященном анализу опыта революционного переустройства общества. Во время нэпа вернувшись из своего второго странствия, главный героя романа Александр Дванов вдруг понимает, что «у революции стало другое выражение лица» (Платонов 2009: 171), причем это «новое выражение» реализуется именно в образе свободной продажи хлеба.

Эпизоды «насыщения» и «сытости» точно маркируют уже названное нами противоречие между революционным – метафорическим пониманием быта и

«безбытности» – и наслаждением поедания хлеба, плодов земного плодородия как обычной пищи. Для героев А. Платонова, живущих этикой периода гражданской войны хлебные изделия, с удовольствием съедаемые горожанами, воспринимаются знаком возвращения буржуазных порядков. Большевики чувят опасность, заключенную в «сытости»: «А ты думаешь, пища с революцией сживется? Да сроду нет – вот будь я проклят!» (Платонов 2009: 175).

В этом отношении А. Платонов предлагает собственное художественное решение проблемы, основанное на метафоризации образа хлеба, тела, переосмысления быта в Бытие. Тот труд по орошению земли (и, соответственно, перспективному использованию земного плодородия), который впоследствии организует Дванов в чевенгурской коммуне, уже зная о том, что чевенгурская модель коммунизма не является истинной (на это указывает ряд факторов, в частности, смерть ребенка нищенки), – это «братский труд», который в идее своей приобретает евангельское «имущество духовное», а не плотское и физическое. В разговоре с Пиусей Дванов называет Чевенгур «душевым имуществом», которое «надо беречь как можно скупей и не трогать каждую минуту» (Платонов 2009: 348). Душевное имущество – Чевенгур – образует оппозиционную пару с имуществом телесным – хлебом, причем образная логика и приемы метафоризации здесь близки евангельской. Именно такого рода метафорическая сытость, «евангельская сытость» чуда окормления хлебами и становится для Дванова новым «революционным идеалом», продуктом совмещения прагматического и символического понимания быта.

С этой точки зрения важно, что даже в евангельских текстах понятие тела не однозначно: кроме обыденного, житейского смысла, противопоставленного Духу, существует еще и представление о Теле Христовом как об одном из компонентов причастия. Наличие у обряда причастия «телесного» смысла отмечал как раз в анализируемую эпоху в трактате «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев: «...его непосредственное содержание, то, в чем дана и в чем выражена эта духовность, – всегда конкретно, вплоть до чувственности...» (Лосев 1994: 34). Таким образом, вывод Дванова о том, что «после буржуазии коммунизм происходит из коммунистов и бывает между ними. Где же ты ищешь его, товарищ Копенкин, когда в себе бережешь?» (Платонов 2009: 340), содержит в себе не столько бытовой, сколько метафорический смысл, причем сама метафора строится по принципу евангельской, одухотворяя (в прямом смысле) презренный быт, делая его частью нового, преображенного после революции бытия.

Неудача чевенгурской коммуны в аспекте избранной нами темы показывает, что, с точки зрения Платонова, как однозначное отрицание быта и упоение метафизическими наготой и «безбытностью», так и возвращение к прежним, дореволюционным традициям «нормального», человеческого восприятия быта, тела, имущества – одинаково непродуктивны. Метафорика «безбытности» в «Чевенгуре» фиксирует глубокий внутренний кризис в понимании быта и Бытия, который сформировался в обществе – и в литературе «попутчиков» в том числе – к концу 1920-х годов.

Ведь новая «советская буржуазия» из повести И. Катаева «Ленинградское шоссе» уже с удовольствием носит красивую заграничную одежду, считая это нормой, с удовольствием пользуется пайками, – «из тайного закрепителя своего, ...для сильно ответственных», – говорит о крабах Алексей, старший сын, вернувшийся из ссылки

за участие в оппозиции. Неслучайно в литературной критике того периода шла борьба с мещанством, борьба с атрибутами прежнего быта, но не с абажурами, канарейками и пр., а с новой роскошью, дачами, собраниями сочинений, гонорарами и пр., с омещаниванием писателя, «против культа и фетишизма вещей...», когда «жизнь человеческого коллектива не будет отражаться в кривом зеркале отношений между вещами» (Литературная газета 1930).

Поэтому трилогия И. Катаева «Поэт» – «Сердце» – «Жена» звучит своеобразным реквиемом по утраченным или отвергнутым романтическим идеалам революции: умирает поэт революции – умирает коммунист, строитель нового общества – разрушена основа общества – семья.

Поставленная нами проблема «безытности» и метафорической наготы в русской литературе 1920-1930-х гг. требует дальнейшего изучения. Но уже сейчас можно сказать, что для литературы послереволюционного периода эта проблема становится одной из ключевых, поскольку объединяет в себе культурологическую, философско-аксиологическую и конкретно-бытовую проблематику и, в силу своей многозначности, иллюстрирует основные социокультурные и литературные тенденции эпохи в описании быта и бытия.

Проблема «безытности», несомненно, относится к числу архетипических для отечественной словесности в силу того богатого семантического и художественно-символического потенциала, который она приобрела в русской литературе и культуре XIX-XXI вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАГРИЦКИЙ, Э. (1928): Разговор с комсомольцем Николаем Дементьевым. В кн.: *Юго-запад*. Москва-Ленинград. Земля и Фабрика.
- БЕЛАЯ, Г.А. (1971): «Бытовизм» и «органическое творчество»: из истории борьбы за реализм. В кн.: *Метод и мастерство. Вып. 3. Советская литература*. Вологда. без издательства.
- БЕРДЯЕВ, Н.А. (1994): *Философия свободного духа*. Республика. Москва.
- БЫЧКОВ, В. В. (2007): *Русская теургическая эстетика*. Ладомир. Москва.
- ВИХАВАЙНЕН, Т. (2004): *Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции*. Коло. Санкт-Петербург.
- ВИХРЕВ, Е. (1933): *Ножницы*. В кн.: Вихрев Е. *Освобождение раба*. Московское товарищество писателей. Москва.
- ВОРОНСКИЙ, А.К. (1970): *За живой и мёртвой водой*. Художественная литература. Москва.
- ГЛАДКОВ, Ф. (1926): Цемент. *Красная новь*. 1.
- ГЛАДКОВ, Ф. (1925): Цемент. *Красная новь*, 1925, 3
- ГЛАДКОВ, Ф. (1926): Цемент. *Красная новь*, 1926, 6
- ДЕМЕНТЬЕВ, Н. (1930): *Шоссе энтузиастов. Стихи 1924-1929*, Государственное издательство РСФСР. Москва-Ленинград.
- ДОЛГОПОЛОВ, Л.К. (1988): *Андрей Белый и его роман «Петербург»*, Советский писатель. Ленинград.

- (1927): ДИСПУТ О БОГЕМЕ. *На литературном посту*, 1.
- ЗАРУДИН, Н.Н. (1983): Тридцать ночей на винограднике. В кн.: Зарудин Н. *Путь в страну смысла*. Художественная литература. Москва.
- ЗАРУДИН Н.Н. (1983): Старина Арбат. В кн.: Зарудин Н.Н. *Путь в страну смысла*. Художественная литература. Москва.
- КАВЕРИН, В. (1931): Художник неизвестен. Ленинград. Издательство писателей в Ленинграде.
- КАТАЕВ, И.И. (1957): Поэт. В кн.: Катаев, И. *Избранное*. Государственное издательство художественной литературы. Москва.
- КАТАЕВ, И.И. Ленинградское шоссе. В кн.: Катаев, И.И. *Избранное*. Государственное издательство художественной литературы. Москва.
- ЛАВРЕНЁВ, Б. (1929): Гравюра на дереве. Пролетарий. Харьков. Кн. 5.
- НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ*. (1928): 4. с.94
- ЛИТОВСКАЯ, М. (2009): «Оружие и амуницию держать в полном порядке»: войны А. Голикова в текстах А. Гайдара. В кн.: *Травма: Пункты*, Новое литературное обозрение. Москва.
- ЛОСЕВ, А. Ф. (1994): Диалектика мифа. В кн.: Лосев, А.Ф. *Миф – Число – Сущность*. Мысль. Москва.
- ЛЯШКО, Н. (1924): Повести. Мосполиграф. Москва.
- МОРОЗОВ, М.В. (2014): Перед лицом смерти. В кн.: *Русская философия смерти. Антология*. Центр гуманитарных инициатив. Москва-Санкт-Петербург.
- (1927): *О ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКЕ, ЛИТЕРАТУРНОМ ХУЛИГАНСТВЕ И БОГЕМЕ*. Ленинград. Прибой.
- «ПЕРЕВАЛ» И ИСКУССТВО НАШИХ ДНЕЙ: (1930): *Литературная газета*, 21 апреля.
- ПЛАТОНОВ, А.П. (2009): Чевенгур. В кн.: Платонов, А.П. *Чевенгур. Котлован*. Время, (Собрание). Москва.
- ПОДЛУБНОВА, Ю.С. (2005): Метажанры в русской литературе 1920-начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория). Дисс... кан.филог.н. Екатеринбург
- РОСТОВА, Н.Н. (2008): Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради). Московский государственный индустриальный университет. Москва.
- СЕМЁНОВА, С.Г. (2001): Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов: Поэтика - Видение мира – Философия. Институт мировой литературы Российской академии наук. Наследие. Москва.
- СЛЁТОВ, П. (1930): Мастерство. Федерация. Москва.
- Соловьев, В.С. (1996): Оправдание добра: нравственная философия. Республика. Москва.
- ТРОЦКИЙ, Л.Д. (1991): Пролетарская литература и пролетарское искусство. В кн.: Троцкий Л.Д. *Литература и революция*. Издательство политической литературы. Москва.
- ТРОЦКИЙ, Л.Д. (1927): Культура переходного периода. I. Эпоха культурничества и ее задачи I. Вопросы быта. В кн.: Троцкий Л.Д. *Сочинения*. Серия VI. *Проблемы культуры*. Том XXI. *Культура переходного периода*. Государственное

- издательство. Москва-Ленинград. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl910.htm>. Дата обращения: 08.04.2017
- ШКЛОВСКИЙ, В.Б. (2002): *Еще ничего не кончилось... Пропаганда*. Москва.
- ЭРДМАН, Н.Р. (1990): *Самоубийца*. В кн.: Эрдман, Н. Р. *Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников*. Искусство. Москва.
- ЯНЧЕВСКАЯ, К.А. (2004): *Юродство в русской литературе второй половины XIX века: дисс. ... канд.филолог.наук*. Барнаул.

BIBLIOGRAPHY

- BAGRICKIJ, JE. (1928): *Razgovor s komsomol'cem Nikolaem Dement'evym*. V kn.: *Jugozapad*. Moskva-Leningrad. Zemlja i Fabrika.
- BELAJA, G.A. (1971): «Bytovizm» i «organicheskoe tvorcestvo»: iz istorii bor'by za realizm. V kn.: *Metod i masterstvo*. Vyp. 3. Sovetskaja literatura. Vologda. bez izdatel'stva.
- BERDJAIEV, N.A. (1994): *Filosofija svobodnogo duha*. Respublika. Moskva.
- BYCHKOV, V. V. (2007): *Russkaja teurgicheskaja jestetika*. Lodomir. Moskva.
- DEMENT'EV, N. (1930): *Shosse jentuziastov. Stihi 1924-1929*, Gosudarstvennoe izdatel'stvo RSFSR. Moskva-Leningrad.
- DOLGOPOLOV, L.K. (1988): *Andrej Belyj i ego roman «Peterburg»*, Sovetskij pisatel'. Leningrad.
- GLADKOV, F. (1926): *Cement*. Krasnaja nov'. 1.
- GLADKOV, F. (1925): *Cement*. Krasnaja nov', 1925, 3
- GLADKOV, F. (1926): *Cement*. Krasnaja nov', 1926, 6
- (1927): *DISPUT O BOGEME*. Na literaturnom postu, 1.
- JERDMAN, N.R. (1990): *Samoubijca*. V kn.: Jerdman, N. R. *P'esy. Intermedii. Pis'ma. Dokumenty. Vospominanija sovremennikov*. Iskusstvo. Moskva.
- JANCHEVSKAJA, K.A. (2004): *Jurodstvo v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: diss. ... kand.filolog.nauk*. Barnaul.
- KAVERIN, V. (1931): *Hudozhnik neizvesten*. Leningrad. Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade.
- KATAEV, I.I. (1957): *Pojet*. V kn.: Kataev, I. *Izbrannoe*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. Moskva.
- KATAEV, I.I. *Leningradskoe shosse*. V kn.: Kataev, I.I. *Izbrannoe*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. Moskva.
- LAVRENJOV, B. (1929): *Gravjura na dereve*. Proletarij. Har'kov. Kn. 5.
- LITOVSKAJA, M. (2009): «Oruzhie i amuniciju derzhat' v polnom porjadke»: vojny A. Golikova v tekstah A. Gajdara. V kn.: *Travma: Punkty, Novoe literaturnoe obozrenie*. Moskva.
- LOSEV, A. F. (1994): *Dialektika mifa*. V kn.: Losev, A.F. *Mif – Chislo – Sushhnost'*. Mysl'. Moskva.
- LJASHKO, N. (1924): *Povesti*. Mospoligraf. Moskva.
- MOROZOV, M.V. (2014): *Pered licom smerti*. V kn.: *Russkaja filosofija smerti*. Antologija. Centr gumanitarnyh iniciativ. Moskva-Sankt-Peterburg.
- NA LITERATURNOM POSTU. (1928): 4. s.94

- (1927): О ПИСАТЕЛЕ "СКОЈ ЈЕТИКЕ, ЛИТЕРАТУРНОМ ХУЛИГАНСТВЕ И БОГЕМЕ. Leningrad. Priboj.
- «PEREVAL» I ISKUSSTVO NASHIH DNEJ: (1930): Literaturnaja gazeta, 21 aprlja.
- PLATONOV, A.P. (2009): Chevengur. V kn.: Platonov, A.P. Chevengur. Kotlovan. Vremja, (Sobranie). Moskva.
- PODLUBNOVA, Ju.S. (2005): Metazhanry v russkoj literature 1920-nachala 1940-h godov (kommunisticheskaja agiografija i «evropejskaja» skazka-allegorija). Diss...kan. filog.n. Ekaterinburg
- ROSTOVA, N.N. (2008): Chelovek obratnoj perspektivy (Opyt filosofskogo osmyslenija fenomena jurodstva Hrista radi). Moskovskij gosudarstvennyj industrial'nyj universitet. Moskva.
- SEMJONOVA, S.G. (2001): Russkaja poezija i proza 1920-1930-h godov: Pojetika - Videnie mira – Filosofija. Institut mirovoj literatury Rossijskoj akademii nauk. Nasledie. Moskva. SHKLOVSKIJ, V.B. (2002): Eshhe nichego ne konchilos'... Propaganda. Moskva.
- SLJOTOV, P. (1930): Masterstvo. Federacija. Moskva.
- SOLOVE'EV, V.S. (1996): Opravdanie dobra: npravstvennaja filosofija. Respublika. Moskva.
- TROCKIJ, L.D. (1991): Proletarskaja literatura i proletarskoe iskusstvo. V kn.: Trockij L.D. Literatura i revoljucija. Izdatel'stvo politicheskaj literatury. Moskva.
- TROCKIJ, L.D. (1927): Kul'tura perehodnogo perioda. I. Jepoha kul'turnichestva i ee zadachi 1. Voprosy byta. V kn.: Trockij L.D. Sochinenija. Serija VI. Problemy kul'tury. Tom XXI. Kul'tura perehodnogo perioda. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Moskva-Leningrad. Jelektronnyj resurs: Rezhim dostupa: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl910.htm>.. Data obrashhenija: 08.04.2017
- VIHAVAJNEN, T. (2004): Vnutrennij vrag: bor'ba s meshhanstvom kak moral'naja missija russoj intelligencii. Kolo. Sankt-Peterburg.
- VIHREV, E. (1933): Nozhnicy. V kn.: Vihrev E. Osvobozhdenie raba. Moskovskoe tovarishhestvo pisatelej. Moskva.
- VORONSKIJ, A.K. (1970): Za zhivoj i mjortvoj vodej. Hudozhestvennaja literatura. Moskva.
- ZARUDIN, N.N. (1983): Tridcat' nochej na vinogradnike. V kn.: Zarudin N. Put' v stranu smysla. Hudozhestvennaja literatura. Moskva.
- ZARUDIN N.N. (1983): Starina Arbat. V kn.: Zarudin N.N. Put' v stranu smysla. Hudozhestvennaja literatura. Moskva.